

ЛИТЕРАТУРА

1. Friesch Woordenboek (Lexicon friscum) / Bewerkt door Dijkstra W. I—II. Amsterdam, 1971.

2. *Sipma P., Poortinga Y.* Lyts Frysk wurdboek. Boalsert, 1944.

3. Frysk Wurdboek / Gearsteld troch Buwalda H. S., Meerburg G., en Poortinga Y. Boalsert, 1971.

Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка (На материале современной художественной литературы и прессы). М.: Русский язык, 1987. 638 с.

Книга Е. Ф. Гринева и Т. Н. Громовой — заметное событие в советской французско-русской лексикографии. Это оригинальный тип словаря, в котором представлена лексика «сниженных» регистров: разговорный язык, просторечие, отчасти арго. Он включает в себя такие слова, которые часто употребляются в современной устной речи, изобилуют в художественных произведениях, встречаются в газетах, журналах, звучат по радио и с экранов телевизоров. Этот пласт лексики занял столь значительное место в современном языке, что незнание соответствующих слов затрудняет живое общение, препятствует акту коммуникации, мешает правильной восприимчивости литературных и публицистических текстов.

Возросшая употребительность «сниженной» лексики — часть тех значительных изменений, которые произошли во французском языке в XX в., особенно в последние 30 лет. Французские лексикографы считают, что за период с 1949 по 1960 гг. основной словарь французского языка обновился на 25%. Но не меньше, а несомненно более крупные перемены наблюдаются в нем в 60-е—80-е годы, в период серьезных глубинных сдвигов в жизни французского общества, заметно повлиявших на жизненный уклад, быт и нравы французов, что не могло не отложиться в языке. Не случайно во Франции все чаще стали говорить даже о «языковой революции», происшедшей в последние десятилетия.

Изменения коснулись не только словаря, но и синтаксиса и морфологии, а особенно заметно они проявились в сфере речевого узуса, где фактически стали стираться грани между языком повседневным и литературным. По верному замечанию Н. А. Шигаревской, «наблюдается высокая интенсивность влияющая на разговорную речь просторечия и, в свою очередь, — разговорной речи на книжную» [1]. В речевую практику ворвались слова, выражения, обороты из фамильярно-бытовой лексики, из различных социодialeктов, вплоть до воровского арго. Стали восприниматься как вполне допустимые для художественных произведений и для речи культурного человека такие речевые единицы, которые прежде были бы немислимы в литератур-

ном языке. Резкое смещение представлений о нормативности, фактическое размытие ее прежних границ связано с заметной тенденцией нарастания коннотативности французской литературной речи, с усилением ее экспрессивности и эмоциональной окрашенности.

Причины, породившие это явление, относятся скорее к сфере социальной психологии и даже социальной философии, чем к лингвистике, и, по сути дела, понастоящему еще не изучены. Но как бы то ни было, одна из них бросается в глаза. Речь идет о болезненной, обостренной реакции людей на реакто усилившуюся дегуманизацию межличностных и социальных отношений — порождение технократической, функционально-рационалистической цивилизации. Эта реакция выплескивается, например, в художественной литературе потоком остро эмоциональных, взволнованных, отстаивающих пограничные человеческие ценности. Их создатели апеллируют не к рассудку, а к сердцу и чувствам, что определяет соответствующий выбор формы изложения и языкового материала: устные монологи, живые диалоги, «внеприсланная», как бы без обработки, «прямо с улицы» внесенная в текст речь персонажей (а нередко такой является и речь самого автора) с сохранением слов и выражений фамильярно-бытовой и разговорной лексики. Происходит своеобразная «деформализация» чисто литературных книжных приемов. Литература как бы сходит с «подмостков», стирает грим: перед нами сама жизнь в ее чувственно-осознаваемой непосредственности.

Есть, конечно, и книги, усложненно написанные, рассчитанные исключительно на высокообразованную элиту, лишенные «сниженной» лексики. Но все же преобладает литература, адресованная широкому кругу читателей. В ней разговорно-бытовая речь становится органической частью художественной системы. Слова и выражения устного повседневного общения на равных присутствуют в произведениях с письменной, книжной речью, обогащая друг друга, что свидетельствует о некоторых новых закономерностях художественно-эстетического функционирования литературного языка.

До некоторой степени аналогичная тенденция наблюдается и в языке прессы, в публицистике и даже в речах политических деятелей, а особенно в теле- и радиопередачах. Журналисты и политики нередко используют самые ходовые, широко распространенные слова и выражения разговорно-бытовой лексики, дабы создать видимость атмосферы доверительного общения с теми, к кому они обращаются. Снижение стилевых регистров в данном случае продиктовано особенностями политической жизни Франции V Республики, где ведется острая борьба партий за голоса избирателей, которых хотят расположить к себе и политические деятели и настроенные в их поддержку органы печати. Поэтому широко применяются образно-акспрессивные слова и выражения из фамильярно-бытовой речи как с полемическими целями (создание негативного образа политического противника), так и ради того, чтобы казаться ближе к широким массам читателей и слушателей и быть понятнее для них. Даже сам президент Франции — Миттеран не чурается порой этой лексики и, чтобы подчеркнуть свою искренность и непринужденность, он может, например, сказать в беседе с журналистами: *J'avais envoyé deux ou trois poulets* («письмецо, писулька») «Я послал два или три писмеца» (Монд. 1987. 10 апр.). А такой утонченный интеллектуал, как Л. Фабиус, в бытность премьер-министром, любил вставлять в тексты своих выступлений отдельные словечки и фразы из бытовой и фамильярной лексики. Например, *mettre le paquet* (фам.) «поднажиться, сделать рывок», или *tourner autour du pot* «ходить вокруг да около» (Монд. 1984. 7 сент.). Да и газета «Монд», рассчитанная на самую образованную, высококультурную часть населения, допускает теперь заголовки типа «Le régime ringard» (Монд. 1987. 17 марта) [*ringard* (фам.) «старомодный, устаревший»]. На страницах этой газеты, да и большинства других, все чаще встречаются словечки типа *tagouilles* (фам.) «сомнительная деятельность, махинация», *blabla* (pop.) «пустая болтовня, треп», *botte* (разг.) «работа; заведение, контора», *galère* (фам.) «безрезультатные занятия, мыкание, маета, заnudство», *barbouze* (фам.) «агент тайной полиции, шпион» и т. п.

Словом, сниженные лексические единицы включаются все более заметно в речь современного образованного француза, становятся неотъемлемой частью общепотребительной французской лексики. Если раньше французская лексикографическая традиция почти не отражала эту лексику в общих словарях, резервируя для нее специальные сборники выражений или словари «арго» [2—4], то в настоя-

щее время эта лексика все шире вводится в общие словари. В этом смысле характерна эволюция наиболее авторитетных словарей (например, Большого и Малого Робера), которые по мере переизданий (с 1964 по 1985 гг.) значительно расширились в основном за счет включения новой терминологии и новой или пропущенной ранее лексики связанных регистров [5, 6].

Однако во французо-русских словарях, выходящих в нашей стране, данная лексика отражена совершенно недостаточно. Например, из первых же 50 слов рецензируемого словаря в наиболее полном советском словаре К. А. Гамшиной [7] можно найти всего 9 слов, да и то не во всех значениях. Даже французо-русский фразеологический словарь [8], в котором представлены многие необходимые выражения разговорно-бытовой лексики, устарел и не содержит значительного числа употребительных сегодня речевых единиц. Без рецензируемого «Словаря разговорной лексики французского языка» было бы невозможно восполнить этот досадный пробел. Во французо-русской лексикографии он является первым опытом создания словаря стилистически окрашенной французской лексики. Словарь оригинален и по своей структуре. Слова берутся не во всех своих значениях, а только в тех, что входят в соответствующую стилистическую сферу. Выражения следуют в конце словарной статьи. Если слово приводится только в выражении, то его перевод не дается. Каждое выделяемое значение слова и каждое выражение сопровождаются обязательно пометой, относящей их к одному из трех регистров: фамильяризм, просторечие или арго. Остальные пометы окказиональны. В большинстве случаев использование слов в определенных значениях и употребление фразеологических единиц иллюстрируются примерами из художественной литературы, прессы (в том числе и из газеты «Юманите») либо примерами, взятыми из словарей или услышанными самими авторами в устной речи французов. Эти иллюстрации — большая ценность словаря, и в этом отношении он отличается от обычных двуязычных словарей и сближается с двуязычными фразеологическими словарями, приводящими цитаты из литературы. Но в отличие от фразеологических словарей, как уже говорилось, в рецензируемом словаре цитаты и примеры не переводятся. Тем не менее они необходимы для уточнения функционирования соответствующих лексических единиц.

Иллюстрации из литературных произведений взяты из книг писателей, наиболее представительных для современной французской художественной прозы. Речь

идет о таких широко читаемых авторах, как Л. Арагон, Э. Базен, М. Турнье, Р. Мерль, А. Лану, П. Модьяно, М. Дюра, Ф. Саган, Ф. Нуриссе, Р. Сабатье, Ф. Марсо и др. Есть фразы даже из книг писателей, которые по своему содержанию и форме адресованы скорее интеллектуальной элите, чем широким читательским кругам (Ж.-П. Сартр, Р. Кено, Ф. Карко, Ж. Кароль, К. Бурникель и др.). Часть примеров приведена из литературы первой трети XX в. — М. Пруст, Р.-М. дю Гар, Коллет, М. Леблан, и др. И, естественно, немало примеров найдено в книгах, специально написанных по тем или иным соображениям в «сниженном» стилевом регистре: литература о народе, о «низах» общества, многие детективные романы и т. д. (Ж. Симеон, Б. Кламель, Ж.-П. Шаброль, Р. Фалле, А. Бодар, С. Жапризо и др.).

Наличие разговорно-бытовой лексики в текстах авторов самых разных творческих манер, направлений и тенденций свидетельствует о том, что она органично влилась в язык художественной литературы. Рецензируемый словарь помогает дать верный и адекватный перевод слов и выражений этого слоя, что особенно необходимо для работы переводчиков, которые из-за отсутствия такого словаря нередко допускают искажение смысла или стилистические неточности. Можно надеяться, что выход словаря позволит повысить качество художественного перевода.

Словарь является также ценным подспорьем для лиц, изучающих французский язык, ибо приводимые в нем слова и выражения представлены в конкретных ситуациях их употребления, что дает возможность избежать неверное их применение (ср., например, помету *vulg.* — «вульгарный»).

«Живание» слов разговорного фонда в основной словарь — процесс подвижный и неровный. Какие-то из них быстро прививаются, некоторые перестают активно употребляться, выходят из моды, но остаются еще долгое время понятными и известными носителям языка, сохраняются в литературе. Авторы рецензируемого словаря отмечают эту разновидность пометой *v.-x.* — «устаревший». Есть и такие слова, которые утрачивают со временем «сниженность», нейтрализуются и тем самым выходят из того лексического ряда, которому посвящен словарь. Характерно, что в нем уже нет, например, таких слов, как *abominable, attrice, bambin, pontifiant, se pomponner* и т. п., которые еще несколько лет тому назад были вполне уместны в «сниженном» слое языка. Очевидно, уже можно было бы и не включать слово *formidable* (фам.) «невероятный, поразительный», которое фактически перестало быть фамильярным.

Помимо сугубо практической ценности, рецензируемый словарь представляет собой также крайне полезный инструмент научного исследования. Он содержит богатейший материал для изучения стилистики, лексикологии и фразеологии разговорной речи, может быть полезен для социолингвистики и общего языкознания, ибо помогает увидеть изменения, затрагивающие языковую норму, и свидетельствует о постоянном воздействии функционально-речевых использования языка на его систему. Научное обоснование принципов отбора лексики и построения словаря дается во вступительной статье, где затронут ряд теоретических проблем, связанных с исследованием особенностей разговорной лексики и их научной систематизацией. В целях более расширительного и углубленного представления о возможностях сегодняшней разговорной речи в конце словаря дается приложение: «Некоторые синонимические ряды стилистически окрашенной лексики». Это живая иллюстрация богатства и разнообразия стилистической окраски разговорной лексики в ее конкретном функционировании, что может быть использовано, в частности, в курсах лексикологии. Было бы желательно увеличить эти синонимические ряды — их слишком мало. Полезно также снабдить словарь кратким грамматическим справочником разговорной речи, что объяснит многие отступления от нормы как в морфологии, так и в синтаксисе. С этой целью можно дать и общие сведения о словообразовании в разговорной лексике. Но главное пожелание состоит в том, чтобы словарь был переиздан, и более значительным тиражом, ибо, будучи выпущенным скудным тиражом (15 000 экз.), он стал библиографической редкостью, едва появившись. В предисловии указано, что в него вошла только часть собранного авторами материала (около 9000 слов). Целесообразно при переиздании его расширить и снабдить указанными выше приложениями¹.

Уваров Ю. П.

¹ Пока рецензия готовилась к печати, издательство «Русский язык» выпустило словарь Е. Ф. Гривевой и Т. Н. Громовой повторным стереотипным изданием тиражом 40 тыс. экземпляров. Но теперь, очевидно, нужно готовить расширенное переиздание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шигаревская И. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л., 1970. С. 6.

2. Caradec F. Dictionnaire du français argotique et populaire. P., 1977.
3. Cellard J., Rey A. Dictionnaire du français non-conventionnel. P., 1960.
4. Gilbert P. Dictionnaire des mots contemporains. P., 1980.
5. Le petit Robert. Dictionnaire de la langue française. P., 1980.
6. Le Grand Robert de la langue française. V. I—IX. P., 1985.
7. Гамшина К. А. Французско-русский словарь. М., 1982.
8. Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Рецкера Я. И. М., 1963.

Trần Ngọc Thêm. Hệ thống liên kết văn bản tiếng Việt. Hà Nội: NXB Khoa học xã hội, 1985. 360 tr.

Чан Нгюк Тхем. Система текстовой связности вьетнамского языка. Ханой: Гуманитарные науки, 1985. 360 с.

Рецензируемая книга является первой во вьетнамском языкознании монографией по теории связанного текста. Ее автор в 1974 г. окончил филологический факультет Ленинградского университета (отделение математической лингвистики). В настоящее время преподает в Ханойском университете. Он автор ряда работ по вьетнамскому и общему языкознанию, среди которых более десяти работ по лингвистике текста.

Книга состоит из трех частей, которые в свою очередь подразделяются на главы.

В первой части излагается авторское понимание понятий связанности и единицы связности. Связность как семантико-грамматическая категория текста проявляется в двух планах: содержательная связность и формальная связность (Ф-связность). Эти два плана диалектически соотносены, и если в одном из них связность нарушается, текст может превратиться в цепочку беспорядочных фраз (ЦБФ). Вводятся три вида ЦБФ: 1) ЦБФ, имеющие только Ф-связность и не имеющие содержательной связности; 2) ЦБФ, имеющие только содержательную связность и не имеющие Ф-связности; 3) ЦБФ, не имеющие ни содержательной, ни формальной связности. Выдвигаются критерии для распознавания каждого из этих видов ЦБФ.

В содержательном плане связности выделяются два аспекта: тематическая связность (Т-связность) и логическая связность (Л-связность). Тексты, обладающие как тематической, так и логической связностью, считаются типичными текстами. Таково подавляющее большинство текстов. На периферии находятся нетипичные тексты. Их можно разделить на два вида: а) тексты без Т-связности (они обладают только Л- и Ф-связностью); сюда относятся, например, некоторые тексты детских песенок, составленных с целью пополнения словарного запаса; б) тексты без Л-связности (обладающие

лишь Ф- и Т-связностью), например, тексты пьес театра абсурда.

Вводимое автором понятие связности, на котором он основывает свою концепцию, оказывается довольно емким. С его помощью, по-видимому, можно описать известные в литературе понятия связности и цельности текста.

Единицей текстовой связности автор предлагает считать высказывание. Высказывания делятся на типы по структурным и содержательным признакам, и каждому типу высказывания свойственны свои особые способы связности.

По структуре все высказывания делятся на 1) структурно завершенные — предложе н и я и 2) структурно незавершенные — непосредственно-зависящие синтагмы (НЗ-синтагмы). Высказывание считается структурно завершенным, если оно содержит обе части темо-рематической структуры.

Различая коммуникативно-смысловое членение на «данное — новое» и логико-грамматическое членение на «тему — рему», автор формулирует понятие структурной завершенности/незавершенности высказывания на основе членения на «тему — рему» как имеющего четкое структурное воплощение.

По мнению автора, во вьетнамском языке темо-рематическая структура реализуется в четырех стержневых разновидностях: 1) характеризующая: $\Pi \rightarrow C_x$; 2) релятивная: $\Pi \rightarrow C_p - D$; 3) акзистенциальная: $O \rightarrow C_p - D^1$; соотносительная: $y C \rightarrow zC'$ (условные обозначения: Π — подлежащее, C — сказуемое, C_x — сказуемое характеристики, C_p — сказуемое отношения, C_o — сказуемое су-

¹ Утверждается, что в акзистенциальной структуре вьетнамского языка после сказуемого стоит дополнение, а не подлежащее, как во флективных языках-